

ИГОРЬ КОНЦЕБА

Неудачники во вселенной

Игорь Концеба

Неудачники во вселенной

«Издательские решения»

Концеба И.

Неудачники во вселенной / И. Концеба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963905-9

Когда мир полон супергероев, что делать обычному парню? Это история о том, как простого пацана из провинциальной глубинки закручивает водоворот событий, где будут звездолеты, киборги, мошенники, религиозные фанатики, азартные игры, гонки, драки, любовь, расставания. И только счастливый случай, молодость и друзья помогут нашему герою выпутаться и пройти сквозь все препятствия и передряги.

ISBN 978-5-44-963905-9

© Концеба И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	18
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	24
ГЛАВА 7	27
ГЛАВА 8	30
ГЛАВА 9	36
ГЛАВА 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Неудачники во вселенной

Игорь Концеба

© Игорь Концеба, 2019

ISBN 978-5-4496-3905-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

– Нет! Нет! Я не хочу умирать, не здесь, не так, не сейчас. Нет, не на каком-то гнилом медицинском корабле, где-то на самых задворках вселенной, – крутилось у меня в голове.

Сердце кузнечным молотом глухо билось в груди.

Мне же всего двадцать пять, смерть не может оборвать своими холодными пальцами нить моей жизни, в таком возрасте смерть – это что-то призрачное, нереальное, это у кого-то другого, не у меня! Умирают старики, а не молодые. Молодые должны жить и радоваться жизни, какой бы она не была, хорошей или плохой, удачной, или не очень. Каждое существо должно прожить ее всю сполна, наслаждаясь каждой минутой существования, дожить до глубокой старости и в мудром спокойствии встретить естественную кончину.

Так я рассуждал, трясясь от страха, тупо сидя на полу в самом углу каюты, и одновременно с этим мой мозг умудрялся рисовать яркие картины моего возможного конца, одна страшнее другой. Ужас зловеще обволакивал все тело своей холодной, липкой паутиной, панический страх беспощадно сдавливал горло.

– И зачем меня только угораздило устроиться на работу в эту долбаную компанию? А ведь поначалу все было неплохо, все так хорошо продвигалось. Я спокойно жил на своей родной, богом забытой планете Мариенталь, маленький, тихий городок, приятный мягкий климат, в небольшом, но наполненном семейным теплом и уютом домике со своими родителями. Ну и что, что у меня не было никакого серьезного образования, вечерами я болтался с друзьями по улицам, пил, курил, горланил песни под гитару, пытался приставать к симпатичным девчонкам. Днем я нормально работал охранником у местного воротилы бизнеса, правда, за гроши, но все равно большую часть времени на работе я читал книги и спал. Не работа, а мечта. Своей семьи, которую мне нужно было бы содержать, у меня не имелось, поэтому даже той мелочи, что зарабатывал, хватало на все. Да, в моей дальнейшей жизни не проглядывалось никаких перспектив, я даже не знал о чем мечтать в будущем. Мои бывшие одноклассники позаканчивали институты, устроились на хорошо оплачиваемые работы, завели семьи, нарожали детей. Не могу сказать, что я полный дебил, просто окончить институт как-то не удалось. Мои родители хорошие люди, дай бог всем таких. Они никогда не попрекали меня и не гнали из своего дома. Несмотря на то, что отец очень жесткий человек, водитель грузовика, дальнобойщик, я всегда находил с ним общий язык, а мама вообще души во мне не чаяла. Но угрызения совести мучили меня постоянно, я должен был как-то отблагодарить их за свое счастливое детство, сделать так, чтобы они могли просто гордиться своим сыном. Однажды я увидел по визуализатору объявление о том, что компании Моисей Круиз Лайнз требуются хорошо выглядящие, с элементарными знаниями основ работы обслуживающего персонала, молодые люди или гуманоиды, для работы на круизных межгалактических судах компании.

«Это грандиозный шанс – путешествуя, зарабатывать деньги, а также уникальная возможность карьерного роста», гласило объявление. Я подумал, почему бы и нет, и подал заявление. Пришлось поехать в другой более крупный город, поучиться на курсах, в нашем таких не было. Два раза сдавать тесты, первый раз меня завалили. Правда! Именно завалили, видимо работодателю не понравилась моя морда. Но на второй попытке у меня все прошло как по маслу, и уже через восемь месяцев я оказался в терминале на космодроме в ожидании посадки на корабль, который должен был доставить нас на планету Ипрос. Нас – кучку тех неудачников, которые летели вместе со мной. Это были забавные отпрыски всевозможных рас. Две девицы, представительницы человеческой, надо сказать, не лучшие. У одной на лице была постоянно приклеена улыбка, и из-за умело наложенного макияжа лицо казалось пластмассовым, как у манекена в торговом центре. Вторая... Кроме груди взгляду зацепиться было не за что. Так же было еще три гуманоида. Как назывались эти народности я не скажу, потому

что знать всех во вселенной невозможно. Один – коренастый с большими бесцветными глазами на продолговатом лице, отдаленно напоминающем человеческое. Второй – слегка флегматичный, с квадратной головой на тонком, но мускулистом теле. Он был похож на ящерицу, но прямоходящую с эдакой протяжной манерой разговора. А третий был поистине ходячий фейерверк, с четырьмя руками, находящимися в постоянном движении. Он со скоростью пулеметной очереди что-то увлеченно рассказывал девицам, которые слегка рассеяно слушали его, глубоко и нервно затягиваясь сладким дымом тонких сигарет.

Вот так мы и стояли, с нетерпением ожидая нашего транспорта. Бросали оценивающие косые взгляды друг на друга, пытаясь понять с какими личностями придется работать бок обок в течение полугода.

Но я чувствовал себя хорошо, я был очень рад, ведь слишком уж долго просидел я у себя дома, мне хотелось чего-то нового, ярких впечатлений и веселых не забываемых приключений.

– Что, первый контракт? – спросил коренастый, подойдя ко мне.

– Да, – широко улыбнувшись, ответил я.

– Ну, и чего такой веселый? – Немного грубо поинтересовался он, – по какой специальности?

– Да, это, как его, а! Это... на кухне убирать.

– Э-э-э, чувак, если тебе еще никто не говорил, то позволь я буду первым. Попал ты в такую задницу, что только и будешь заниматься тем, что очищать ее от дерьма, с утра и до глубокой ночи. Но, однако, ты сильно не переживай, – он по-приятельски хлопнул меня по плечу, заметив, наверное, как вытянулось мое лицо, – если через это прошел я, значит любой сможет. А я прошел и поэтому знаю, о чем говорю.

– Неужели все будет так плохо? – промямлил я, слегка упав духом, от таких неприятных новостей.

– Да будет трудно, впрочем, сам увидишь. Ты знаешь, моя философия такова: всегда готовься к худшему, тогда может быть окажется немного легче. Ха-ха.

– Спасибо. Э-э-э...

– Дим, меня зовут Дим, – представился мой новый товарищ, так бесцеремонно окативший меня дерьмом реальности и вернувший с небес на землю.

– Алан, – упавшим голосом в свою очередь представился я, – постараюсь быть готовым к любым трудностям.

Мы крепко пожали друг другу руки.

– Короче, добро пожаловать, – сказал он. И, оглянувшись, добавил, – о, нам пора.

По громкоговорителю объявили наш рейс, и резво похватав сумки и чемоданы, вся пестрая компания поспешила на посадку.

Наши работодатели, как и положено, взяли нам не просто дешевые, а очень дешевые билеты. Поэтому вместо того, чтобы наслаждаться тремя днями полета, то есть пользоваться всеми услугами сервиса: вкусно есть, сладко спать, любоваться неповторимыми пейзажами космоса, за счет компании нанимателя, нас просто-напросто усыпили и, не удивлюсь, если запихали куда-нибудь в багажный отсек. Когда я проснулся по прибытии, моя левая рука онемела, все тело ломило. И, судя по комичным телодвижениям моих компаньонов, у них дела обстояли не лучше. Так мы и выкатились в здание терминала космопорта на космостанции Ларна при планете Ипрос, корчась, как церебральные паралитики на прогулке во дворике своей лечебницы.

Не скрывая ехидно-садистской улыбки, нас встретил агент компании. Он забрал наши паспорта, затем усадил всех в такси, и мы помчались навстречу новому и необычному.

Космический флот всегда являлся для меня чем-то загадочным и волнующим. Я видел раньше все эти межпланетные круизные лайнеры, сухогрузы, контейнеровозы, другие транспорты по визуализатору, иногда бывал как пассажир. Но никогда не приходилось мне знать

этой «кухни» изнутри. И вот сейчас в моей жизни выпал такой уникальный шанс окунуться во всю эту атмосферу по самые уши, почувствовать романтику путешествий в просторах космоса и это слегка брало за душу. Здесь меня опять понесло, я впал в эйфорию и, как всегда с головой, погрузился в радужные мечты.

Наш лайнер стоял на ремонте в доке, среди пятидесяти-семидесяти космических кораблей разного класса и назначения.

Мы приехали во второй половине дня, поэтому на всех судах велись какие-то ремонтно-косметические работы, повсюду сновали рабочие порта в желтых защитных касках и оранжевых комбинезонах со светоотражающими полосами. Что-то красили, где-то сверкали яркие вспышки сварки. Крики, ругань, команды доносились со всех сторон. Проезжая мимо возвышающихся вокруг кораблей, мы пытались определить который из них наш гордый лайнер. Но ни один более-менее достойный внимания им не оказался. Смутное подозрение начало закрадываться в мою душу, и оно оправдалось, когда наше такси подъехало к древнейшей развалюхе, одиноко стоявшей в самом темном углу порта.

– Вот так корыто! – Протянул мой новый знакомый Дим, почёсывая затылок.

– Интересно, сколько ему лет? – Сказала девица с пластиковой улыбкой, при этом быстро – быстро моргая густыми, длинными, нарощенными ресницами

М-да! Не таким я себе представлял свой первый космический корабль. В моих мыслях это был современный огромный белоснежный межгалактический лайнер. А наяву передо мной предстало старое средних размеров, именно «корыто», как метко выразился Дим. Крупные вмятины по бортам, полученные при неудачных стыковках, красноречиво говорили о не очень высоком мастерстве команды, от осознания чего, легкий холодок страха пробежал по спине. Обшивка была покрыта грязно-белой, ближе к желтой, краской. По всему корпусу пробивались бурые пятна ржавчины. Вся наша группа стояла и разглядывала эту гордость космического пассажирского флота с разочарованными лицами, у кого, конечно, они, эти лица, были. Видимо, радужные мечты посещали не только меня одного, такого романтика.

Откуда-то из темных недр корабля навстречу нам выскочил гуманоид, густо покрытый короткой грубой шерстью, торчащей во все стороны. На межгалактическом он говорил очень плохо. Все, что мы поняли, это то, что нужно следовать за ним. Он провел нас по нескончаемому лабиринту темных, грязных и в некоторых местах ужасно вонючих коридоров до просторного яркого, на удивление чистого помещения, щедро уставленного блестящей металлической мебелью, и велел ждать. Мы ожидали молча, оглядывая помещение. Это был большой зал, похоже, столовая. По потолку тянулись коммуникативные системы разных размеров, вроде электрических кабелей и разных диаметров труб, из некоторых что-то капало. Хорошо, что нигде, ничего не искрило, даже боюсь предположить какое напряжение было в тех толстых кабелях. Вдоль стен стояли различные автоматы с огромным выбором жидкостей: от обычной воды и кофе до напитков, о которых я никогда не слышал, и пить которые никогда бы не решился. По обоим концам зала висели два больших визуализатора, но они были либо выключены, либо не работали.

Наконец, в помещение вошло чудо с огромной головой на тщедушном тельце с круглым брюшком, придурашливой улыбкой на лице и огромными выпуклыми маслянистыми карими глазами. В тонких ручонках существо держало какие-то бумаги.

– Добрый вечер, – сказала оно, присаживаясь на стул, – меня зовут Магис, я метрдотель и ваш босс во время подготовки корабля к работе.

Выговаривая эти фразы, метроди внимательно рассматривал нас. Когда его взгляд дошел до девицы с грудью, в его выпуклых глазах мелькнула искра похоти, и он сладострастно сглотнул. Мистер Магис познакомился со всеми нами, раздал ключи от кают, в которых мы будем проживать на протяжении всего контракта. Затем он дал каждому план помещений корабля,

очень нужную на первых порах вещь. Проинформировал о времени завтрашнего сбора, пожелал удачи и отпустил устраиваться.

Я попал в одну каюту с квадратноголовой рептилией. Вместе с ним мы начали искать путь к месту ночевки, которое нашли не сразу. Повсюду были коридоры и лестницы-близнецы, много коридоров и много лестниц. Несмотря на то, что на стенах были указатели, а у нас на руках подробная карта судна, мы с ящером все равно попадали не по назначению. Нам приходилось возвращаться в отправную точку и начинать все сначала. Потратив достаточно времени на блуждания в этом лабиринте и порядком, утомившись, таская свои сумки, мы, в конце концов, достигли заветной цели.

ГЛАВА 2

Открыв дверь своей каюты, нашему взору предстал чудак, который сидя в полумраке, на стуле спиной к нам, громко и яростно рычал, жал ржавые гантели над головой. Он наверняка почувствовал или услышал наше появление, но доделал столько повторений, сколько было запланировано, затем внезапно уронил свои увесистые снаряды на железный пол. От неожиданности и резкого звука удара металла о металл я аж подпрыгнул на месте. А этот атлет продолжал сидеть, тяжело дыша и отфыркиваясь. У него была мощная бугристая спина. Не огромная, просто на ней светилась каждая мышца. Вдруг он резко встал, повернулся и с широкой улыбкой на светлом открытом лице сказал:

– Здорова, пацаны! Добро пожаловать на борт межгалактического судна «Горизонт», меня зовут Майк. Моя должность здесь не самая подходящая для мужика. Ассистент стюардессы, согласитесь, звучит не очень.

Красавцем паренек не был, но и уродом тоже. Крупный курносый нос, темные брови, ровные белые зубы, маленький, совершенно не волевой подбородок, копна черных вьющихся волос, бронзовая кожа, обтягивающая, как я уже упоминал, хорошо проработанные тренированные мышцы. Ничего особенного, обычный парень, каких много. Но нельзя было не заметить свечение его внимательных карих глаз, в них явно проглядывались живой ум и дерзкий азарт.

– Ну что же вы встали, проходите, устраивайтесь, здесь у нас четырехместная каюта, – сказал он, сделав широкий жест рукой, затем, щелкнув выключателем, зажег основной свет, ярко озаривший помещение, до этого каюта освещалась маленьким светильником для чтения в изголовье кровати – это моя койка, – он указал на верхнюю слева, – остальные свободны.

Каюта представляла собой небольшую комнату, по краям которой располагались двухъярусные кровати, четыре металлических шкафчика. Умывальник с зеркалом находился в конце напротив входа. И все те же трубы и провода под потолком.

– Вот здесь мой шкафчик, вы можете выбрать любой из трех, – сказал он, – до вашего появления я жил здесь один. Да! – Внезапно вспомнил он, – туалеты и душ в конце коридора налево или по правой стороне коридора направо.

– Еще раз, пожалуйста, – пропиндосил мой ящероподобный товарищ.

Майки очень серьезно на него глянул и, замедлив речь, начал объяснять еще раз, для более четкого понимания сопровождая сказанное жестами.

– В конце коридора налево или направо по коридору справа, – в каждом слове и каждом жесте чувствовалась ядовитая и ничем не скрываемая насмешка, – понял, серый?

Видимо Ован насмешки не заметил или не захотел почувствовать. Он только молча кивнул и принялся флегматично раскладывать свои вещи на полки шкафчика. Некоторое время Майки с интересом наблюдал за ним, затем повернулся ко мне и сказал:

– Ну, вот и хорошо, теперь ваша очередь представляться.

Что мы не замедлили сделать.

– Очень приятно, Алан, – сказал он, пожимая мне руку, – пожалуйста, не прими на свой счет, однако из всех видов жизни на свете я больше всего не люблю нас, человечество. Говно мы, знаешь ли.

Он озорно подмигнул мне и дружески похлопал по плечу.

– Да, – подумал я, – откровенно.

Хотя не мог не согласиться с Майком, ведь мы – человечество, на самом деле – говно редкостное.

– А ты, я смотрю, такой крепыш. Занимаешься спортом?

– Да так, турничок, брусья и пьяный бег от полицаев, – усмехнулся я.

– Отлично! Оборудуем здесь что-то похожее на спортзал, будет с кем позаниматься. Ты как? Не против?

– Нет, конечно, – ответил я, – двумя руками за.

– Вот и отлично, договорились.

Пока мы разбирали сумки, наступило время сна, перебросившись еще парой незначительных фраз, все попадали спать. Несмотря на некоторое волнение и на то, что место было новое, заснул я моментально. Но около трех часов ночи проснулся от жуткого холода, меня била крупная дрожь. В темноте, стараясь никого не разбудить, я нашарил свое колючее одеяло, завернулся в него с головой и еще минут пять приходил в себя.

Когда я отогрелся, снова заснул глубоко и крепко. Позже Майк поведал мне, что системы отопления еще не были включены, поэтому ночью было достаточно зябко.

Утром нас разбудил будильник Майка. Проснулись все, но вылезать из-под теплых одеял никто не торопился. В каюте стоял такой холод, что изо рта теплокровных ее обитателей шел пар. Первым смельчаком оказался старожил Майк. Он резво соскочил со своей койки, умылся, громко фыркая при этом, быстро оделся и ушел. Я был следующим, кто последовал его примеру, повторил всю процедуру и пошел в столовую на завтрак.

Пришлось опять поплутать по запутанным лабиринтам судна, пока достиг цели, но утром, на свежую голову, было полегче. Коридоры не были зловеще пусты как ночью. Увидев по дороге двух гуманоидов, я принял вид бывалого и соответственно беззаботного члена экипажа, бодро поздоровался с ними и пошел следом. Они меня и вывели на искомый объект.

Зайдя в помещение столовой, я был очень удивлен. Вчера мне показалось, что на корабле народа почти нет. Но сейчас я осознал насколько ошибочно было мое первое представление. Практически половина команды уже на борту присутствовала. Небольшая толпа вокруг меня выглядела поистине разномастно, однако, приглядевшись, я понял, что представители разных рас стараются иметь соседями за столом своих соплеменников.

Я набрал в тарелку еды и стал взглядом искать столик, за которым завтракали люди. После недолгих поисков я заметил соседа по каюте Майка и направился к нему, но, подойдя ближе, непроизвольно замедлил шаг. Рядом с ним сидел здоровенный мужик в черной майке алкоголичке, вся спина и руки которого были покрыты наколками зеленого цвета на тюремно-бандитскую тематику. На коротко стриженной почти лысой голове играли мышцы, участвующие в процессе жевания. Я медленно подошел и слегка нерешительно сел рядом. Заметив мое появление, незнакомец повернулся и моему взору предстали сломанный нос и маленькие колючие глазки на широком плоском лице. Тяжело было этого человека назвать приятным, под его пристальным взглядом мне было как-то не по себе. Еще несколько секунд он, как мне показалось, зловеще рассматривал меня, а затем совершенно неожиданно его лицо осветила лучезарная улыбка.

– Привет, меня зовут Валера, – ангельским голосом пропел он, – я работаю на кухне, мою кастрюли. А ты, наверное, вчера приехал?

Я, старательно пряча свое изумление, быстро ответил на его вопросы и, не вступая в затяжной разговор, сделал вид, что очень занят содержанием своей тарелки.

Валера тоже решил ограничиться только приветствием и вернулся к прерванной беседе с Майком.

Болтали они о какой-то чепухе.

Параллельно с приемом пищи и прослушиванием разговора соседей, я внимательно разглядывал население корабля, заполонившее столовую. Каких только экземпляров обитателей вселенной здесь не было. Вы знаете, я не расист, но некоторые из них выглядели так неприятно, что я отвел бы для них специальное помещение где-нибудь поглубже, в трюмах. И показывал бы только за деньги.

Мало того, что они выглядели не очень, так еще и ели по-разному: кто руками, кто лохматыми лапами, кто двумя ложками, кто ложкой с вилкой. А некоторые вообще опустили рыла в миски и громко чавкали, периодически выныривая на поверхность для того, чтобы перегавкнуться о чем-то с соседом, при этом частички пищи разлетались во все стороны. А что они ели? М-м-м, об этом лучше не надо, можно на длительное время испортить себе аппетит.

За столиком в углу я заметил грудастую подругу с мистером Магисом, который сидел напротив с неизменной придурашливой улыбкой, пожирая ее своими маслянистыми глазами. Он что-то со страстью рассказывал, нежно держа ее за руку. Девушка делала вид, что смущается, но по всему было видно, что она уже влюблена по уши в этого «красавца».

Через пару столиков от них сидели еще около двадцати представительниц прекрасного пола человеческой расы. Но, при более внимательном наблюдении становилось, очевидно, что слово «прекрасного» к ним не относилось и даже более того, было совершенно неуместно. Настолько они были страшны, я бы сказал больше, некоторых из них вообще можно было принять за гуманоидов. Создавалось такое впечатление, что для них был специальный отбор среди мутировавших жителей планет с повышенным уровнем радиации. В общем отсутствие симпатичных девчонок меня очень расстроило.

Там же сидели несколько особей мужского пола, наш старый знакомый с четырьмя руками и остальные совершенно мне не знакомые.

В столовую вошел Дим. Он неторопясь взял тарелку и подошел к лотку для раздачи еды, внимательно его осмотрел, после чего на его лице появилось выражение отвращения. Он там еще немного поковырялся, с видом будто ищет себе пропитание в мусорном контейнере, наконец нашел что-то подходящее положил в тарелку и направился напрямик к нашему столу.

– Эти мрази для нас делают жрачку из отходов, – громко сообщил он еще на полпути.

– Эй, рубильник! Ты опять здесь? – На этот раз он обращался к Валере, – ты же в прошлом году всем втирал, что то был твой последний контракт, и никто больше не увидит твоей мерзкой бандитской рожи!

– Ну, понимаешь ли, Дим, обстоятельства сложились так. Я, знаешь ли, ну...

– Скажи просто, – прервал невнятный ответ Валеры Дим усаживаясь за стол, – что только в этой компании такого уродя, как ты, могут принять на работу.

– Не правда! – Возразил Валера.

Забавно. Он даже не обиделся, да еще и оправдываться стал.

– Я легко могу найти любую работу в любом месте, я... я...

– Конечно. Что ты. Не горячись. Да разве я не понимаю? Я согласен. Ты можешь, но только не в этом году, – продолжил издеваться Дим, а затем, резко меняя тему, – ладно, что там у нас за материал в этот раз, – промолвил он, поворачиваясь и пристально вглядываясь в девушек за соседними столами.

– Все страшнее атомной войны, – констатировал он, повернувшись обратно к нам, – впрочем, ничего другого я и не ожидал. Что-то в этой компании никогда не меняется, да, рубильник? Признайся, тебя с ними в одном цирке набирали?

– Нет, Дим, ты не прав, очень симпатичные девочки, приветливые, общительные.

– Так что ж они такие приветливые и общительные сидят за двадцать столов от тебя, и строят глазки вон тем бравым кадетам-практикантам, а? – И он указал в сторону, где гордо восседали местные молодые офицеры, будущие космические флотоводцы. – Что замолчал?

На это замечание Валере возразить оказалось нечем. Поэтому он решил, что лучше для него будет побыстрее закончить завтрак и поспешить на работу.

Майки просто сидел и весело улыбался, с любопытством наблюдая за странными, на мой взгляд, отношениями между Валерой и Димом.

После непродолжительной паузы, во время которой Дим с тем же видом отвращения ковырялся вилкой в тарелке, он обратился ко мне.

- Ну, молодой? Как самочувствие?
- Пока не знаю, – слегка настороженно ответил я.
- Скоро узнаешь. Недолго тебе осталось жить в неведении, – дружески подбодрил меня он, при этом, как мне показалось, зловеще улыбаясь.

ГЛАВА 3

Дим оказался прав на все сто. Впрочем, он был всегда прав. В этот первый день мне пришлось работать так тяжело, как никогда я не работал до этого в жизни. Но это были только цветочки, потому что круизы еще не начались, и кухня работала только на четверть. Зайдя сюда в первый раз, я увидел везде тусклую нержавеющей сталь. Вокруг располагались печи, грили, столы, холодильники, режущие, рубящие, давящие, взбивающие машины. И все это мы, а именно я и еще несколько ребят, должны были сделать отполированным, блестящим, ярким и сияющим, как яйца... нет... меч самурая. В общем, чистота на кухне должна быть как в больничной операционной. От этого зависит здоровье пассажиров, репутация и благосостояние компании.

Практически в каждом порту пассажирские суда подвергаются всевозможным инспекциям и проверкам. Если какая-нибудь комиссия выявит любые по значимости нарушения, у компании могут отнять лицензию на перевозку пассажиров. Фирма понесет огромные убытки, прежде чем ее представители получат лицензию обратно, пройдут через все бюрократические процедуры, обоьют немало административных порогов и надают взятку на кругленькую сумму разным чиновникам.

Я слышал, что в других компаниях используется механизированный труд. То есть роботы. Но электронный механический работник – это очень дорого, да и что касается уборки дерьма – ни один механический чайник, напичканный современной электроникой, никогда не сможет заменить в этом деле живое существо. Если с органическим сотрудником что-то случается, его совсем не обязательно чинить, точнее, лечить, а проще сразу отправить биомусор домой, ведь всегда найдется с десяток придурков, которые за гроши с радостью готовы заменить его. А еще можно все перекрутить так, что это якобы случилось по вине самого работника. И в таком случае еще он будет должен компании за то, что не соблюдал правила техники безопасности, с которыми в обязательном порядке был ознакомлен при подписании контракта об устройстве на свою должность. А с бездушной машины что взять?

В конце этого дня я валился с ног от усталости. Но по прошествии некоторого количества времени я потихоньку втянулся в процесс, и жизнь перестала казаться мне такой мрачной и ужасной. Наоборот, с каждой неделей жить становилось лучше, жить становилось веселей. Даже интересней. Почти каждый день прибывали все новые и новые члены экипажа. Кто-то уже с опытом работы, кто-то, как я, салага. Все такие разные, со всяких планет, затерянных во вселенной.

Между работниками была масса отличий. Но одна черта объединяла многих из них. Глядя на окружающий меня контингент и общаясь с ними, у меня создавалось впечатление, что процентов девяносто команды набирали в психиатрических лечебницах. Букет заболеваний был богатым и разнообразным, начиная от разного вида шизофрении, заканчивая просто депрессиями, психозами, фобиями и душевными расстройствами в легкой форме. В это не так просто поверить, но за парочкой примеров далеко ходить не придется.

Мой сосед по каюте, уже знакомый вам ящер по имени Ован. Поначалу он был вполне адекватен, но уже вечером нашего второго дня на корабле я с ним чуть не подрался. Я вообще человек мирного характера, но иногда бываю очень вспыльчив. Для Ована этот контракт был не первым, он считал себя ветераном, авторитетом, или старшим, и решил, что может много чего себе позволить. Однажды поздним вечером, я крепко спал после очень тяжелого рабочего дня, этот хрен открыл с диким грохотом дверь ударом ноги (или лапы). Я мигом очнулся, подпрыгнув на своей койке, едва не ударившись макушкой об потолок. Оно зашло и громко спросило: «Где стул»?

– Там, – я указал на стул, стоящий в углу.

Он прошел, взял его, и, как ни в чем не бывало, вышел из каюты. А я, как идиот, сижу на койке и думаю, что же это такое было. У меня немного позднее зажигание, поэтому только через некоторое время, я понял, что со мной только что поступили абсолютно по-хамски. Я сползаю с койки и выхожу в коридор, где наблюдаю Ована, сидящего на стуле и усердно чистящего туфель. Он аж язык прикусил, так старался.

– Ты какого хрена делаешь? – Тихо спросил я.

Голос меня не подвел, несмотря на переполнявшие эмоции. Он прозвучал слишком тихо, но не дрогнул.

– А че такое? – борзо прошипел ящер.

– Еще раз такую фигню сделаешь, я тебе морду раскрошу! Понял, рахит? – Уже намного увереннее ответил я. Самое сложное – начать. Но когда перешагнул черту, стесняться уже глупо. Вся жизнь я следовал этому правилу, вроде помогало...

– Зачем ждать, пойдем, решим все проблемы сейчас.

По идее, мне должно было быть немного страшно, тем более драться с рептилией до этого не приходилось. Известно, что среди всех существ во вселенной, человек одно из самых слабых и не приспособленных к жизни. Если б не наша хитрость, подлость и коварность, качества, которые многие называют храбрость, смекалка и находчивость, человечество вымерло б уже давно. Но я буквально кипел от злости, а когда я злой, мне насрать практически на все. На то, что могу потерпеть позорное поражение, на то, что драки на корабле запрещены и за них прерывают действие контракта и отправляют домой без разговоров. В общем, было задето мое самолюбие. И мне было плевать на последствия, а вот ящерице судя по всему нет. Он сначала поднялся и зловеще прохрипел уже изменившимся голосом: «Ну, пойдем!», а потом рассмеялся и сказал, что просит прощения, что он пошутил, что я молодец и так далее. Конфликт был исчерпан. Я был удовлетворен, и весьма довольный собой пошел спать. Мне удалось поставить зарвавшуюся ящерицу на место, а учитывая, что свидетелями нашей стычки явились несколько членов команды, то мой авторитет в коллективе вырос на несколько пунктов. А это на судне важно, как и в тюрьме, да и вообще в любом обществе. И этот факт в дальнейшем обязательно должен принести значительные дивиденды.

Да, но вернемся к психическим отклонениям. Так вот, этот Ован, почти целыми днями спит. Но это нормально, народ от работы здесь так устает, что стоит только посадить свою задницу на какую-либо поверхность, сам не замечаешь, как заснул. Основной его странностью было другое: если он не спал, то ел. Его шкафчик был битком набит разной едой, запасенной заранее, хотя по законам корабля пища в каютах категорически запрещена. Понятное дело почему, – где еда, там и тараканы. Способы успешной борьбы с ними так и не были найдены. Эти паразиты до сих пор, так же, как и крысы, наводили ужас на все слои населения, по всей вселенной, – на владельцев и работников гостиниц, отелей, ресторанов, а тем более круизных лайнеров. Травили этих существ с завидной регулярностью, однако их приспособляемость и способность к размножению была поистине фантастической, а угроза появления оставалась всегда.

После того инцидента Ован уже тихо приходил в каюту, и со словами «Мне надо углеводов» открывал свой шкафчик, садился рядом. И тупо уставившись в пространство перед собой, начинал медленно откусывать кусок чего-то, затем так же медленно его пережевывать. Закончив трапезу, он молча закрывал шкафчик и удалялся. И так двадцать раз за день.

Или сосед Дима, который постоянно что-то писал в свою записную книжку и при этом придурковато хихикал. Тот же Майкл, долбаный религиозный фанатик. Случайно проснувшись среди ночи, я видел, как он сидит на койке в позе лотоса и медитирует. Видели когда-либо медитирующего человека со стороны? Похож на лунатика. Уставившиеся в одну точку глаза открыты, однако взгляд пустой, сидит как истукан и мерно дышит. Тем не менее с Майком можно было дружить. Он был немного старше меня, опытней. Он много читал, постоянно

анализировал все вокруг, на все у него существовало свое особое мнение. И этими своими мнениями он постоянно с кем-то обязательно делился, не мог не поделиться. Он болтал без умолку, говорят это проблема тех, кто много медитирует. Но в то же время Майк умел внимательно слушать.

Вместе мы проводили много времени, «качали банки», боксировали, играли в шахматы и философствовали на разные темы.

Он был не очень религиозен, но его прибабах был именно религиозным. На этот момент во вселенной существовало столько же религий, сколько насчитывалось обитаемых планет. Но наиболее популярными, особенно среди людей, расселившихся по всему космосу, как те самые тараканы, оставались христианская, мусульманская, буддизм и миллиарды их ответвлений. Из них Майк отдавал предпочтение буддизму.

– Единственное учение, где верить во что-либо необязательно. Ничего не надо просить. Не надо раболепствовать и пресмыкаться, ползая на коленях, умоляя о милости, – говорил он по этому поводу. – Только практика, чистая практика. Если хотите, просто тренировка ума и воли. Самое главное здесь – не надо лицемерить и притворяться любящим и смиренным, потому что на тебя насрать всем во вселенной и самой вселенной тоже. Не нужен ты никакому божеству, каждый в этом мире занят, только своим благополучием. Нужно просто быть собой и быть просто искренним. Искренность должна присутствовать в каждом поступке, в каждом движении, она должна пронизывать все вокруг. Настоящий человек должен быть искренним. Не отдавать ничему предпочтения и ни к чему не привязываться, то есть видеть все как есть, без накладывания своего субъективного мнения. Хотя нахрена это вообще кому-то надо, тем более мне? – тут же спрашивал он самого себя при этом пожимая плечами.

– Чистый придурок!

С этого момента его лучше перестать слушать, потому что словесный поток на эти темы у Майка никогда не иссякает. Это его мнение, и ему с этим и жить.

Еще мы предпочитали общаться с Димом. В наших с Майком «развлечениях» он не участвовал, но, увидев нас где-нибудь, обязательно подходил, чтобы перекинуться парой слов. Этот гуманоид был наделен хорошим чувством юмора, и любая встреча с ним превращалась либо в злорадное хихиканье, либо в безудержный хохот до невыносимой боли в щеках и животе.

Девочек в нашей компании, к сожалению, не водилось. Не то, чтобы мы были против. Как нормальные молодые мужики, мы тянулись к женскому обществу. А вот оно, наблюдая нашу бесперспективность, всячески игнорировало нас, не замечало и отвергало. Что еще можно было поделать в этой ситуации? Только одно – сделать женскую часть коллектива объектом пристального наблюдения и насмешек. А уж наблюдать-то было за чем.

Сотрудников женского пола компания набирала исключительно из людей. Да и вообще весь остальной персонал хоть и состоял из населения других видов, но в большинстве своем был человекообразным, кроме тех, кто работал с механизмами. Но даже несмотря на то, что все девушки были людьми, однако любой инопланетянин нам был более понятен, чем они, эти существа женского пола.

Их больше интересовали, как я уже упоминал, более перспективные женихи, а точнее, офицеры. И не всегда молодые. Офицеры в основной своей массе были с Ипроса. Лидером по девчонкам среди них оказался уже знакомый нам метрдотель Магис.

Этот парень за то короткое время, которое прошло с моего появления на корабле, сменил три объекта ухаживания. Первой была грудастая. Через пару дней она уже сидела в слезах и соплях, а ее соперница с презрением смотрела на нее, гордо в обнимку проходя мимо со своим кавалером. По прошествии нескольких дней она была замечена в таком же подавленном состоянии духа. А с Магисом уже страстно целовалась третья красавица, счастливая и влюбленная. Причем все они знали кто такой Магис, но каждая его новая любовь была уве-

рена, что она та самая, особенная, и жалкая участь тех неудачниц, ее предшественниц, ей лично не грозит. Уж она-то сможет сковать по рукам и ногам этого жеребца и заставит любить только себя одну. Но итог был всегда предсказуемо один и тот же: «самая умная и самая красивая» тоже оказывалась на обочине, униженная, в слезах и в окружении подруг, которые, пряча злобные ухмылки, пытались ее успокоить. Но долго бывшие возлюбленные Магиса одинокими не оставались. Всегда находился добрый похотливый старичок-паучок с капитанского мостика, который успокаивал девочку и быстренько затаскивал ее в свою холодную постельку, в которой с невероятной силой, разбрасывая искры во все стороны, разгорался огонь страсти с появлением новой хранительницы очага.

Были и такие, которые не проходили по внешним данным отбор у офицеров, но всегда были желанны в обществах некоторых инопланетян-гуманоидов.

Всего этого я не понимал, признаюсь честно, пытался, но нет, чистое скотоложество!

Имели место и такие, кем я просто восхищался. Они крутили ухажерами, как хотели, получали желаемое, при этом ничего не отдавая взамен. Их было очень мало. Я понимаю, что многие представительницы женской части могут обвинить меня в предвзятом и несправедливом отношении к ним. Но в свое оправдание могу сказать только одно: я описываю только то, чему свидетелем явился я сам. Ни события, ни персонажи, описанные на бумаге, не были мною придуманы.

Вот в таком веселье проходили дни. Я и не заметил, как постепенно корыто с гордым именем «Горизонт» преобразилось. Пассажирские отсеки стали чистыми и уютными, все вокруг казалось новеньким и ухоженным. Кухня просто сияла! Но чем больше развелось этих долбаных поваров, тем больше работы появлялось у меня. Не успеешь отвернуться, как посуда и пространство вокруг засералось производством их дурацкой стряпни. Например, чтобы поджарить всего одно яйцо одному повару требовалось испачкать, как минимум, три сковородки.

Навести порядок так и не удалось только в помещениях, где проживали работники, хотя наш ответственный за санитарии офицер прилагал к этому титанические усилия.

Снаружи «Горизонт» покрасили в свежую, белую краску, и судно сразу же превратилось из ржавой посуды в гордый межгалактический лайнер. Все было готово к началу многодневных круизов.

Оставались только мелочи. Но даже эти мелочи бездарные руководители смогли превратить в тяжелейшее испытание. Дело вот в чем. Прежде чем начинать круизы, нужно заполнить корабль продовольствием и предметами быта, необходимыми для ведения нормальной работы, такими как: всевозможные химикаты для стирки и мытья различных поверхностей, пластиковые контейнеры для мусора, тряпки, униформа, туалетная бумага, всего не перечислишь. По идее с этим не должно было возникнуть никаких проблем, но в реальной жизни так не бывает.

Грузовой транспорт, который привозит что-либо, заезжает через огромный люк на склад, где автопогрузчик перегружает все добро из транспорта на стеллажи склада. Просто, да? Но не у нас. Когда пришло время погрузки, подъехал транспорт и выяснилось, что корабль пришвартован так, что складской люк оказался заблокирован. Разблокировать его не представлялось возможным. Пришлось все делать вручную, поэтому процедура, занимающая несколько часов, растянулась на три дня. Тонны груза были перенесены нами на своих руках и горбах. Эти три дня черной болезненной татуировкой навсегда останутся в нашей памяти. Самые тяжелые и проклятые за все время работы в «Моисей круиз». Были слезы, истерики, потери сознания, но мы выдержали. Каждый из нас гордился, что работает в такой команде. Все участники сего действия стали намного больше уважать друг друга.

ГЛАВА 4

Тускло горел светильник над моей кроватью, в каюте было тихо и по-домашнему уютно, ощущалась легкая вибрация от работающего двигателя, но дискомфорта она никакого не причиняла. Скорее наоборот, успокаивала и усыпляла. Но, несмотря на такую расслабляющую и умиротворяющую обстановку, я всё равно не мог заснуть. Внутреннее волнение и перевозбужденность не давали мне спокойно забыться этим тихим вечером. Уже завтра стартует сезон и начнется все с посадки пассажиров. А переживал я, потому что должен был принимать в ней непосредственное участие. Бывалые в самых наярчайших красках объяснили мне что и как надо будет делать, однако внутреннее волнение и беспокойство не оставляли меня. Эта назойливая нервозность оказалась настолько сильной и очевидной, что мое смятенное и подавленное состояние каким-то образом почувствовал Майк. Он, как обычно, сидел в медитации на своей кровати и мерно дышал, затем неожиданно медленно повернулся, внимательно посмотрел на меня.

– Что? – просто спросил он.

– Что? – В свою очередь спросил я.

– Что у тебя на душе? Какой-то ты этим вечером не такой, – продолжил он, корчась от боли в затекших ногах, сползая с кровати.

– Все нормально, просто немного переживаю по поводу завтрашнего дня, – вздохнул я.

– Завтрашнего дня? – переспросил он, – а что такого особенного будет завтра?

– Да не особо я конечно переживаю, просто слегка волнуюсь, – попытался я увильнуть от неприятного для меня разговора.

– А чего ты волнуешься, – не отставал он, – давай-ка, поделись с другом, не ломайся, как девочка.

«Вот прицепился», – слегка раздраженно подумал я.

– Короче, пошли в столовку, у меня в горле пересохло, – не отставал Майки.

Пришлось мне сползть с койки и плестись за ним в столовую, в которой торчали несколько членов команды, отдыхающих после тяжелого рабочего дня. Одни тихо общались, другие смотрели визуализатор. По ящику показывали какую-то чушь на местном ипрском языке, которым кроме здешних аборигенов никто не владел, но весь остальной экипаж смотрел так заинтересованно, как будто они понимали каждое слово.

Мы с Майком набрали чаю, сели за столик, и мне пришлось делиться своими переживаниями. Я рассказал, что завтра должен принять участие в посадке. Объяснил, что понимаю, что должен встретить клиента, взять у него паспорт, билет, посадочный талон, затем найти среди всех чемоданов его и отвести пассажира в каюту, номер которой будет указан в билете.

– Ну, и в чем проблема? – спросил Майк, громко отхлебывая горячий душистый чай, – по-моему, все очень просто.

– На собрании начальство сказала быть внимательнее и не допускать ошибок. Они нас или накажут, или лишат права на участие в этой процедуре. Вот я и думаю, а что, если что-нибудь напутаю или допущу ошибку?

– Хорошо, ты напортачишь и что дальше? Ведь ты боишься не просто лопухнуться, а последствий в случае ее допущения, так?

– Да, наверное, – согласился я.

– А каких именно последствий ты так боишься? – Не унимался он.

– Ну точно не наказания от руководства. Скорее всего, я боюсь просто сесть в лужу, стать объектом поддевок и шуточек со стороны команды. Ну, типа, потерять лицо.

– Хорошо, вот сейчас озвучив свои опасения, ты прямо взглянул в глаза страху. А теперь подумай, так ли это ужасно, что нужно вообще обращать внимание и тратить нервы? Даже если

ты сделаешь что-то не так, об этом могут просто и не узнать, а если и будет что-то курьезно-веселое, то по прошествии пары дней все обо всем напрочь забудут. Не такой уж ты особенный, чтобы о тебе помнили и обсуждали твою персону весь рабочий сезон, – он вопросительно посмотрел на меня, ожидая моей реакции.

– Уверен, что ты прав. Не такой я особенный, – продолжал соглашаться с ним я, – мой ум сыграл со мной злую шутку и слишком все преувеличил.

– Возвел проблему величиной с камушек до размеров горы, – продолжил Майк мою мысль.

– Именно так, – кивнул я.

– Хорошо, с этим разобрались. А сейчас я пойду, наберу еще чаю и мы закрепим пройденный материал.

– Разве это еще не все? Не конец разговора? – возмутился я, эта промывка мозгов и копанье в себе были мне крайне неприятны.

– Нет. – улыбнулся Майк.

«Вот прицепился», – раздраженно подумал я. – «Что ему еще от меня надо?»

Он поднялся, не торопясь, направился к автоматам с напитками. Пока этот «гуру» ходил за своим чаем, от нечего делать я тупо уставился в визуализатор. Там показывали какие-то трагические новости, по смыслу я догадался, что одно из местных горных племен весело праздновало свадьбу. Деревенский старейшина отдавал замуж свою единственную красавицу-дочь. Торжественная роспись проходила в большом городе, и когда молодые приехали в деревню, где для новой семьи и их родственников уже был накрыт праздничный стол, мужчины деревни встретили их салютом из винтовок. По воле злого случая в этот момент над ними на низкой высоте пролетал флаер местного ветеринара, несколько пуль попали в двигатель и топливный бак. Флаер моментально потерял управление и так же быстро начал терять высоту. Через некоторое время он рухнул на дом старейшины. Ветеринар погиб, дом сгорел, свадьба не удалась. Теперь журналисты обсасывали это событие со всех сторон: брали интервью у молодоженов, у ментов, у убитой горем жены ветеринара, у пострадавшего материально старейшины, затем устроили какой-то диспут в студии, в углу экрана постоянно показывали одни и те же кадры сгоревшего дома, суматошную беготню спасателей и расстроенные лица гостей. Средства массовой информации, одним словом – маразм.

К моему облегчению, наконец-то вернулся Майк. Мне реально уже хотелось запустить чем-нибудь в визуализатор, лишь бы заткнуть его. Он сел напротив и начал аккуратно мешать сахар в стакане, тщательно подготавливаясь к речи.

– Это твое поганое эго, – как-то внезапно без вступления начал он, – твоя пылкая, страстная любовь к самому себе. Заметь, все проблемы, а особенно проблемы эмоционального характера возникают от любви к самому себе. «Блин! Началось», – прохныкал я про себя и морально приготовился стойко выдержать промывку мозгов. Другого выбора у меня, увы, не было.

– Мы все так привыкли жалеть себя. Но присмотришься к себе, разве ты такой жалкий, разве тебя нужно жалеть? И посмотри, чего ты боишься. Послушай, существуют более серьезные вещи, которых можно бояться, например, смерть, боль, потеря близких, увечье, одиночество. Но умный человек, человек мыслящий, сможет побороть любой страх, даже страх смерти. Согласен, это очень нелегко, но, если приложить титанические усилия можно. Запомни человек, может все, и даже больше.

И это говорит тот, который ненавидит человечество больше всего.

– Лично я считаю, что страх в некоторых случаях можно поменять на осторожность. Например, при нападении вооруженных бандитов ты понимаешь, что если ты примешь бой, то, скорее всего, потерпишь поражение. И если тебя не убьют, то покалечат сильно. Ты можешь храбро кинуться в схватку и даже победить, но с пробитой башкой, поломанными ребрами, свернутой челюстью или кишками наружу. Хотя существует еще вариант послать все подальше,

дать деру и выйти из сложившейся ситуации целым и невредимым, потеряв при этом только честь, самоуважение, и душевный покой буквально на несколько дней. Эти пару дней ты будешь обвинять себя в трусости, называть слабаком, однако симптомы очень скоро пройдут, поверь мне, время безжалостно, оно стирает все. Но вот что я тебе скажу, все это – честь, трусость, смелость, сила – чушь полная, придуманная людьми. А для чего, они уже забыли сами. А люди, в основной своей массе – тупое стадо. Так говорить некрасиво, но с этим фактом не поспоришь. А ты должен быть личностью, ты должен быть выше этих придурашливых понятий. Живи по своим законам, а не по рабским рекомендациям, придуманным одними людьми, чтобы держать других в страхе и повиновении, для лучшего управления ими. Но в то же время старайся избегать открытых конфронтаций и жить в гармонии с окружающим миром, с социумом, в согласии с самим собой.

А по поводу этой ситуации я скажу тебе вот что. Ханта знаешь?

– Нет.

– Ну и ладно. Хорошо. Ты не знаешь, но это серьезное сильное животное, одиночка, живет один, охотится один. Но даже с той дикой силой, которой он обладает, никогда не вступит в схватку с обычной собакой гинакой. А от двух он убежит, поджав хвост, но после этого он не станет слабее, не станет тупой травоядной антилопой гон. Он так и останется сильным гордым и опасным зверем. И это не значит, что он струсил, он просто проявил элементарную осторожность. Это еще называется инстинкт самосохранения. А теперь, после того, как мы проанализировали страх смерти или одиночества, что такое твои переживания по поводу завтрашнего дня? Ничего, пустое. И напоследок я тебе скажу еще вот что. Мир, в котором мы с тобой живем, полон метаморфоз, как это, – он постучал костяшками пальцев по столу, пытаясь вспомнить, ускользнувшее от него, более понятное значение слова, – изменений. Каждый день судьба бросает нас в разные ситуации, хотим мы этого или нет, мы должны из них выходить, выпутываться. Не пытайся от этого спрятаться, абстрагироваться. Просто кидайся в них с головой, как бы наблюдая со стороны, относись к этому, как к игре, ко сну. Так становится намного легче и интереснее жить. А все, что ты так боишься потерять, ты все равно обязательно потеряешь, смирись. Так будь добр не трать свою энергию на генерирование страха, пусти ее лучше на что-нибудь полезное. И престань мнить себя центром вселенной.

Майкл откинулся на спинку стула и замолчал. Я посидел еще какое-то время, ожидая, что он продолжит. Но Майк сидел молча, с неподдельным интересом глядя в визуализатор, где молоденькая симпатичная репортёрша, одетая в деловой юбочный костюм, подчеркивавший все приятные округлости ее фигуры, в студии вела ток шоу на тему злополучной свадьбы.

– Ну, ты и наворотил, – наконец, подал голос я, – ты сам хоть иногда прислушиваешься к своему бреду? Свернутые челюсти, поджав хвост, метаморфозы, понятия, стадо, центр вселенной. Б-р-р-р. Пошли лучше спать.

Он посмотрел на меня с улыбкой, поднялся и сказал, тыкая пальцем себе в голову: «Думай, анализируй, а потом отбрасывай все прочь». Мы пошли обратно в каюту. Не знаю, на самом ли деле пропали мои страхи, или я так устал слушать словесный понос Майка, но заснул я, как только коснулся головой подушки. А он, распалившись своей эмоциональной и трогательной речью, придя в каюту, воодушевленный сел на кровать и погрузился в медитацию. Каждый раз, когда он пытался втереть кому-то свое мировоззрение, повышался его энтузиазм к практике. Это его подстегивало, потому что, как он говорил, «истина вне слов». Но вполне возможно, что это кто-то сказал до него...

ГЛАВА 5

Горячий воздух, поднимавшийся от раскаленного бетона, полностью искажал окружающий мир. Все вокруг двигалось, плыло и постоянно меняло свои очертания. Вокруг была тишина. Жара стояла невыносимая, и все живое пряталось в прохладе малочисленной тени, но раскаленный ветерок доставал и там. На пальмах, небольшой кучкой сгрудившихся возле здания терминала космопорта, даже не шелестели ветви.

Мои коллеги, участники посадки, сидели на корточках в тени корабля. Обычной в таких случаях болтовни не было, у всех слишком пересохло в горле, чтобы попусту трепать языками, даже заядлые курильщики отказались в этот момент от своей порции счастья. Наши парадные, белые рубашки безжизненно висели, как паруса на бригантине в полный штиль.

Я взглянул на часы, они показывали два пополудни, посадка должна была начаться в двенадцать, то есть «какое-то время назад». Два часа под двумя раскаленными солнцами. «Какого черта нас выгнали на позиции так рано?» – пыталось взбунтоваться мое сознание, но попытки эти были вялыми и ленивыми. Жара пагубно влияла даже на революционный, бунтарский дух.

Но вот вдалеке, от здания порта отделился предмет. Из-за движения раскаленного воздуха было тяжело определить что это. Несколько десятков глаз жадно впились в приближающийся объект. Через некоторое время с уверенностью можно было разглядеть контуры автобуса, везущего долгожданных пассажиров. В один момент, как по команде, все ожило. Мы начали подниматься на ноги, разминая затекшие конечности. Сонное начальство в белоснежной униформе засуетилось, пытаясь выстроить нас в одну линию. Закашляли радиопереговорные устройства на поясах у офицеров. В воздухе появился некоторый азарт охоты. Да, мы были как настоящие охотники. Ведь от того насколько «жирного» пассажира ты выберешь из толпы, как хорошо ты его затем обработаешь, зависела сумма чаевых, которую сможешь положить в свой карман.

Как у любого охотника, у бывалых членов команды были на этот счет свои методы и теории. Кто-то считал, что семья с тремя маленькими детьми и с шестью сумками, каждая из которых походила скорее на шкаф, чем на чемодан, – это лучше всего. Кто-то предпочитал просто молодые пары, которых было не так много. Кто-то брался за обслуживание двух старушек. Каждый выбирал своих пассажиров в надежде выжать из них максимум.

Грузчики порта доставили багаж сюда немного раньше. К стоящим, как боевые роботы в ряд, чемоданам весело подкатился автобус. Створки дверей с шипением раздвинулись и из открывшегося прохода повалили пассажиры.

Линия, которую так старательно выстраивало из нас наше командование, моментально рассыпалась. Охота началась. Мои коллеги хищными птицами выхватывали из толпы ошалевших от такого напора пассажиров, громко предлагая им свои услуги. Я слегка замешкался на старте и упустил добычу. Но расстраиваться было некогда, потому что уже подъехал второй автобус, под завязку забитый богатыми толстосумами. Наученный еще свежим опытом, я не стал мешкать и врзался в самую гущу, сходу атаковав солидного, очень прилично одетого гуманоида с каким-то аквариумом в руках. В емкости плавали две экзотические рыбки, лениво двигая яркими плавниками. Я подошел к нему с широкой улыбкой на лице, и бодрим голосом произнес: «Добрый день! Ваш билет, паспорт и посадочный талон». Гуманоид молча уставился на меня своими фасеточными глазами.

«Видимо межгалактическим не владеет», – отметил я про себя. А вслух, но уже без особого энтузиазма, повторил: «Билет, паспорт, чемоданы», сопровождая свою речь мудренными жестами в надежде, что он поймет. После еще двухсекундной паузы существо, не сводя взгляда с меня, полезло в карман и достало три паспорта, три посадочных талона и один билет, а затем на чистом межгалактическом добавило:

– Вот, пожалуйста.

Я взял паспорта и спросил, где остальные.

– Здесь, – сказал он, поднимая на уровень моих глаз аквариум, – господин и госпожа Штольц.

Я перевел изумленный взгляд с гуманоида на двух рыбок в аквариуме.

– А меня зовут Эл-ки, я служу в доме семьи Штольц.

– Да, да, хорошо, – пробормотал я не в силах отвести взгляд от толстогубой четы, тоже уставившейся на меня через тонкое стекло аквариума. Затем, взяв себя в руки, спросил:

– Чемоданы?

– Вон те два желтых, – вытянув подбородок в сторону расставленного на асфальте багажа, сказал Эл-ки.

Позже я узнал, что понятие цвета и формы у многих пассажиров совершенно не совпадает с моим. Когда они мне говорили, что у них зеленая сумка, в ходе долгих поисков это оказывался синий чемодан или вообще ярко-оранжевый рюкзак. Через пару посадок я перестал удивляться чему-либо, касательно поиска предметов багажа при посадке пассажиров.

А вес у этих сумок был просто запредельный. Как-то раз я подошел к огромному чемодану и, поднатужившись, попытался его поднять, от чемодана с хрустом оторвалась ручка, а сам он не сдвинулся с места даже на миллиметр. Потом я с ним еще долго мучался. Вы когда-нибудь таскали большой пластмассовый, отчего-то очень скользкий, чемодан без ручки и с поломанными колесиками?

Но довольно воспоминаний. Среди огромного нагромождения всевозможных сумок и чемоданов, я быстро нашел два желтых, взял их и, предложив семье Штольц и их верному слуге следовать за мной, повел клиентов в каюту. В конце концов, Эл-ки дал мне очень хорошие чаевые. Узнав сколько мне заплатили, Дим прокомментировал это в своей традиционной манере.

– Новичкам и дуракам везет! А в связи с тем, что в тебе сейчас совмещаются два этих образа, тебе повезло в двойне.

Просто пожав плечами, что еще можно было ожидать от Дима, я усмехнулся и побежал развлекаться дальше, первые чаевые лежали в кармане и приятно грели душу.

Я помог еще нескольким пассажирам найти дорогу и устроиться в их каютах, за что все они были мне очень благодарны и, не скупясь, повышали мое материальное состояние. Ну, а я был искренне им за это благодарен.

Позже в тот же день ко мне на кухню заглянул Дим и сказал, что сегодня мы собираемся, чтобы отметить начало сезона.

– Где? – спросил я.

– У Рубильника, – хрипло со своей фирменной улыбочкой ответил он.

– Хорошо, во сколько?

– После работы, часов в двенадцать, – сказал Дим, а затем добавил, – с тебя хавка.

– Не проблема, – заверил его я, – какая?

– Да не знаю, принеси чего-нибудь съедобного.

– Ладно, посмотрю.

– Ну, все понял?

Я утвердительно кивнул.

– Давай, до встречи, жрачку не забудь. Он повернулся и зашагал прочь, грубо отпихнув в сторону попавшегося ему на дороге повара.

Я вернулся к работе, прикидывая, что из еды можно взять на вечер. Выбор был не маленький. На кухне для пассажиров, съедобного добра было полно, и качеством оно значительно отличалась от помойки, которую руководство называло едой для экипажа. Поэтому я был

слегка озадачен, но немного поразмыслив, решил не париться и взять то, что останется после ужина.

ГЛАВА 6

На вечеринку я слегка опоздал, но, по-видимому, ничего интересного не пропустил. Первое, что было мной сразу отмечено, войдя в каюту – это стол, на котором ничего не было, кроме стаканов. Я понимаю, что принести еду – моя обязанность, но пойло было закреплено за ними.

– А где выпивка? – спросил я, – Или вы только пожрать собрались?

– Бухло, салага, всегда надо прятать, – ответил за всех Дим, доставая откуда-то из недр пузатую литровую бутылку с янтарной жидкостью.

– Почему? – не понял я.

– Да потому, – взялся за объяснение Дим, – что по правилам корабля, да и вообще космического флота, за пьянство на судне можно запросто получить билет в один конец, поэтому лучше не давать повода.

– А какая разница, – не успокаивался я, – все равно сейчас понапиваемся и располземся по всему корыту. Кто в поисках девчонок, кто в поисках свободных ушей, а некоторые вообще в поисках приключений.

– Короче, Алан, заткнись и бери стакан, – бесцеремонно прервал меня Дим.

Я взял протянутый им стакан, поднес к носу и понюхал.

– Оу! Виски, – расплылся я в широкой, довольной улыбке и еще раз втянул носом приятный аромат.

На что Дим ответил стишком: «К коксу привык буржуйский злодей, пойло налили, не нюхай, а пей».

– Ну, за что пьем? – поинтересовался Валера-Рубильник.

Эта кличка всегда казалась мне очень странной и слегка неуместной. Я никак не мог понять, почему его так называют, а спросить всегда забывал.

– За наше случайное знакомство, – подал голос Майки, который тоже присутствовал на этом празднике спирта.

– Ну, на хрен, – сказал Дим, – за хороший сезон! Чтобы он прошел быстро, гладко, и чтобы карманы в конце были забиты деньгами под завязку.

– Это точно, – согласился Валера, – ну вперед!

И он опрокинул содержимое стакана себе в глотку. Не отставая, я тоже громко выдохнул и одним залпом опорожнил свой. Жидкость веселым ручейком заструилась по пищеводу и, достигнув желудка, разлилась по нему приятным теплом. Есть люди которые пьют виски со льдом, есть те которые разбавляют колой, я же всегда предпочитал чистый жгучий напиток и получал от этого некоторое эстетическое наслаждение.

Поставив пустую посуду на стол, я повнимательнее пригляделся к присутствующим. Факт, что среди нас нет представительниц противоположного пола меня, конечно же, очень расстроил. «Через пару часов совершенно определенно все двинутся искать девок», – отметил я про себя.

Мы опрокинули еще пару стопок, некоторые закурили. Хмель начал потихоньку расслаблять и мягко обволакивать и затуманивать мозг. Пошли разговоры. Я прислушался к тому, как Валера что-то объяснял Диму.

– Хвост кометы всегда направлен от звезды. Когда расстояние велико, он отсутствует или очень мал, хорошо видно только кому. Хвост начинает расти при сближении со звездой. Силы, отталкивающие хвост кометы от солнца, это световое давление и корпускулярные потоки. Эти потоки несут с собой магнитное поле, и так как ионы не могут двигаться поперек силовых линий...

От изумления у меня отвисла челюсть. Никогда, даже на секунду нельзя было допустить малейшей мысли, что из уст такого маргинала, как Валера, можно было услышать речи,

подобные этой. Он скорее был похож на людей, от которых быстрее услышишь что-то вроде: «лукать», «правилка», «ботало», «дупель», но никак не такое: «Под действием ультрафиолетового излучения выделяющиеся молекулы диссоциируются и ионизируются, и в спектрах кометных хвостов наблюдаются линии излучения ионов».

После очередной глубокой высоконаучной фразы Валера глубоко и многозначительно затянулся сигаретой и, выпустив густое облако сизого дыма, с видом профессора продолжил:

– Среди молекул, обнаруженных в спектрах комет, много радикалов, которые в лабораторных условиях обычно не наблюдаются из-за большой химической активности, – он наполнил стакан только себе, опустошил его и опять глубоко втянул дым. – В кометах они проявляются в результате диссоциации, – снова наполняя стакан, – более сложных молекул, и могут до-о-о-олго, – опустошил, лениво прикурил следующую сигарету, – сохраняться благодаря низкой плотности.

Вот, он замолчал, откинулся на спинку стула и продолжил наслаждаться курением, глубоко затягиваясь и выпуская струю дыма под потолок.

Придя в себя, я посмотрел на реакцию окружающих, но, как оказалось, удивление и недоумение проявились только на моем лице. На остальных присутствующих речь Валеры никакого особого впечатления не произвела.

– Ну что? – Уже слегка заплетающимся языком спросил Майк, – еще по одной?

Он взял бутылку и разлил алкоголь по стаканам. Я потянулся за ножом, чтобы отрезать себе кусок сыра.

– Ты на кого заточку поднял фуцан? – очень нехорошим тоном спросил меня Валера.

Я повернулся и посмотрел на него округлившимися от удивления и неожиданности глазами.

– Не на кого, просто сыра отрезать, – растерявшись, ответил я. А сам подумал, что мои опасения начинают сбываться.

– Че-то я не догоняю, ты, овца, в конец оборзел? – Продолжал Валера, поднимаясь со стула, зло глядя на меня уже остекленевшими от выпитого глазами. – Да я тебя, козла, щас без волены так уделаю, ты у меня враз ласты склеишь!

Несмотря на серьезность сложившейся ситуации где-то глубоко внутри меня мое озорное Я хотело спросить: «Ты типа определись в своем стаде, кто же все-таки перед тобой? Овца или козел?».

– Кажется, началось, – сказал Дим, вскочил и побежал к двери.

– В сторону, – скомандовал мне Майк и, упершись двумя руками в спину Валере, изо всех сил начал толкать его вперед. Несмотря на оцепенение, я быстро отступил в сторону. В это время Дим уже открыл дверь каюты за моей спиной, а Майк вытолкнул не ожидавшего коварного нападения сзади Валеру в коридор. Затем они с Димом захлопнули дверь, защелкнули замок, глянули друг на друга и залились диким хохотом.

Тем временем Валера начал бешено тарабанить в дверь, требуя, чтобы его пустили, «или он нам все рога поотбивает». Я все еще рассеяно стоял посредине каюты с ножом в руке. Дим и Майки глянули на меня и опять начали заливаться неистовым смехом. Валера же, убедившись, что преграда перед ним достаточно крепкая и открывать ему никто не собирается, притих. Выждав какое-то время, Майк слегка приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Затем жестом подозвал нас. Осторожно высунув голову наружу, я увидел Валеру нетвердой походкой бредущего по длинному коридору, что-то бормоча себе под нос.

Бах! И его здоровенный кулак с размаху врезался в светильник и разбил его. Он с тупой улыбкой на лице начал топтать осколки, также продолжая что-то приговаривать. Закончив, Валера поднял голову и осмотрелся, увидел, что стоит рядом с чьей-то каютой, подошел к двери и тихо постучался. В каюте послышалась возня, звякнул запор. Валера терпеливо ждал под дверью, пошатываясь. Наконец дверь открылась, и оттуда появилось заспанное лицо твигля-

нина, гуманоида похожего на человекообразную обезьяну. Но твиглянин ничего не успел толком увидеть и даже понять. Валера с криком «Джихад!!!» сильно ударил его кулаком в нос, и с неожиданной прытью для такого здорового пьяного кабана заскочил в каюту к твиглянам. Послышались глухие звуки ударов, ругань и просто яростные крики.

– Пора сваливать, чуваки, – сказал Дим, – по-моему, вечеринка закончилась.

Мы тихо вышли в коридор и, пошатываясь, разбрелись по своим каютам. Больше приключений в этот вечер искать не стоило. Перед тем как заснуть, я попытался прокрутить события этого вечера. Неожиданно ко мне пришло понимание. Я наконец-то уразумел значение клички Валеры. Теперь для меня он стал рубильником, и только рубильником. Улыбнувшись своему открытию, я крепко уснул.

ГЛАВА 7

Голова раскалывалась, во рту было сухо, в желудке тяжело. Именно с этих неприятных ощущений началось следующее после вечеринки утро. Но, несмотря на тяжесть моего состояния, на работу я вышел, и даже не опоздал. Только завтрак пропустил, о чем не сильно сожалел, он бы не влез все равно, организм бы его не принял. Не успел я появиться на кухне, как сразу же был завален вопросами по поводу вчерашнего вечера. Прикинувшись эдаким деревенским парнем с самой отдаленной планеты во вселенной, я сам на все вопросы только удивленно поднимал брови и делал вид, что не верю, в то, что мне рассказывали.

– Говорят, вчера была драка, – сказал один повар, – твой друг Валера подрался с твиглянами. Мы думали, что ты там был! Кто-то сказал, что там были ты, Майкл и этот, он сделал гримасу отвращения, – Дим.

– Ничего себе! – подумал я. Вот это да! Мне казалось, что никто ничего не знает. Оказывается, я был очень наивен и сильно на этот счет заблуждался. На корабле секретов не бывает. Стукачи везде, здесь совершенно ничего невозможно скрыть, ни одного события. Однако, в случае чего-либо своих друзей и тем более себя, я выдавать не собирался, пусть доказывают, а я не так воспитан.

– Во-первых, Валера мне не друг, – возмутился я, – во-вторых, раз он мне не друг, то какого черта я должен был там делать?

В ответ повар только хитро улыбнулся.

– Вали работай, – рассердился я, – хотя нет, постой. Чем все закончилось-то? А?

Он остановился и с напускной неохотой начал рассказывать.

– Ну, двух он вырубил, – деловито ковыряясь в ухе, сообщил повар, – но каюта была восьмиместная и все ее обитатели в этот момент сидели дома, плюс пара гостей, поэтому численный перевес был на стороне твиглян. Они всей толпой накинулись на Валеру и колотили чем попало, доведя до бессознательного состояния. Ну, потом они выкинули его, обессиленного и потерпевшего сокрушительное поражение, в коридор. Что было дальше, я не знаю.

– Ясно, – сказал я, принимаясь за работу.

Утром на работе Рубильник не появился, но, понятное дело, его прикрыли, и никто из начальства не обнаружил отсутствия персонала на рабочем месте.

Здесь на кухне, по сравнению с другими департаментами, всё было не так строго. Главное, чтобы выполнялась работа, а кем – не имеет особого значения.

Рубильник появился только на обеде в столовой. Ха, выглядел он прекрасно. Там где было лицо раздулась сплошная синяя, почти черная опухоль, в которой тонул даже его не маленький нос, от глаз остались только щелочки. Правое ухо было больше левого, как минимум, раза в два. На бритой голове множество мелких царапин и ссадин. Он подошел к нам, прихрамывая.

– Блин, пацаны, че вчера было? – Без тени вчерашней агрессии спросил он, кряхтя, присаживаясь за стол, – кто это меня так, вы что ли?

– Да, ничего особенного, – сказал Майк, – ты под конец вечера к твиглянам заглянул, сахарку попросить, но они чего-то обиделись, и...

– Что, меня опять понесло? – Понимающе сказал Рубильник, доставая сигарету, – как администрация реагирует?

– Пока никак. Ждем.

– Хреново. Слышь, Майки, помоги прикурить, глаза так опухли, что я сигарету не вижу. – Майк поднес огонь. Рубильник оторвал фильтр, прикурил, сделал три глубоких тяги, сплюнул частички табака, – ладно, пойду на работу.

– Давай, – улыбнулся Майк, – береги себя, Валера.

– Пошел ты, – не оборачиваясь, кинул он через плечо и вышел из столовой.

– Еще под хмелем, – сделал Майкл вывод, – грубит подлец, – и очень весело расхохотался.

Ближе к вечеру все завертелось. Меня вызвали на допрос, по-другому это никак не назвать. Я мыл бесконечные кастрюли и сковородки, когда подошел дежурный пожарный и сказал, что меня вызывают к капитану.

– Ого! – Подумал я, а у самого предательски задрожали колени.

На негнущихся ногах я подошел к офису капитана, громко выдохнул и решительно постучался в дверь. Будь что будет.

– Можно?

– Входи.

Я уверенно открыл дверь и вошел. Офис был маленький, с обшарпанной, кое-где подранной мебелью. В помещении, кроме меня и капитана, присутствовали офицер безопасности и главный инженер. Прямо, как в суде.

– Суд инквизиции, – мелькнуло у меня в голове.

Я нерешительно мялся у самого входа.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Алан, – теплым отеческим голосом сказал офицер безопасности, – я уверен, что ты знаешь, почему мы тебя вызвали.

– Нет, не знаю, даже не догадываюсь, господин офицер, – пожал я плечами.

Молчание. Инквизиторы внимательно смотрят на меня, а я хлопаю глазами как дурачок.

– Когда ты вчера ушел из каюты Валеры, Майкл еще был там? – Спросил капитан.

Опа, мои подозрения оправдались.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – «честно» ответил я.

Опять повисла звенящая и тревожная тишина. Лица у судей каменные, а глаза так и сверлят меня, пытаются заглянуть в самую душу. Да вот хрена вам, уроды! С детства не люблю всякое начальство, капиталистов и буржуев. Они считают, что весь мир принадлежит им, что мы, простые людишки, должны быть безмерно им благодарны только за то, что они вообще обратили на нас внимание и дали возможность на них работать, зарабатывая при этом, а нам выплачивая жалкие гроши. Однажды Майкл сказал мне такую фразу: «Когда игра заканчивается, король и пешка падают в одну и ту же коробку». Так что пошли вы, господа херовы, до встречи в аду!

– Мы знаем Алан, что ты хороший работник, начальство тобой довольно и хвалит, не усложняй себе жизнь и помоги нам во всем разобраться.

– Простите, я бы с радостью, поверьте, но так и не понимаю, чем могу помочь.

– Можешь идти. Если ты нам понадобишься, тебя вызовут, – сказал офицер безопасности с сожалением понимая, что вытянуть информацию из меня не удастся. «Эх, – наверное, подумал он, – его бы сейчас на дыбу, да щипцами раскаленными прижечь, все рассказал бы, вереща».

– Спасибо, – сказал я, уходя.

Обалдеть! Как это они не взяли с меня подписку о невыезде. И что дальше? Пойду, что ли вещи паковать.

Под кабинетом уже стояли Дим, Валера и Майки.

«Значит, я был первый. Вот сволочи, судя по всему эти уроды посчитали меня самым слабым звеном, честно признаться, очень обидно. Гондоны!» – Именно такие мысли роились в моей голове.

– Привет! – Сказал Дим, – как дела? – Спросил он, внимательно глядя на меня.

И он туда же.

– Все нормально, я сдал только тебя.

– Что, сильно налегали? – Спросил Майк.

– Да так, до пыток не дошло, но настроение подпортили.

– Ладно, иди в столовую, а мы чуть позже присоединимся к тебе с тем же настроением, будем на одной волне, – с ехидной улыбкой сказал Майк, похлопав меня по плечу.

Ждать пришлось недолго. Меня опять вызвали к капитану. Там, глядя с упрёком, вручили бумагу с выговором для подписи. Еще два – и домой. «Ну, что ж, легко отделался», – подумал я и уверенно, твердой рукой размашисто расписался.

ГЛАВА 8

На следующий день у нас был первый порт в этом сезоне. Читатель, не знакомый с работой круизных лайнеров, может подумать, что здесь ужасно скучно и совершенно нечем заняться, никаких развлечений, за бортом только холодный однообразный всегда враждебный космос. Хотя и его, наверное, не видно потому, что на этих судах нет даже иллюминаторов. Многие думают, что в космосе лучше всего путешествовать, будучи усыпленным и замороженным в криогенной камере. Все это одно большое заблуждение. Без преувеличения скажу, что на круизных кораблях работает целая индустрия развлечений. Лайнеры оборудованы казино, двери которых открыты постоянно между переходами из порта в порт. В этих казино есть все, что нужно человеку, чтобы спустить деньги. Начиная от простых, но до сих пор очень прибыльных одноруких бандитов, и заканчивая столами для карточных игр и рулетками. На кораблях есть магазины, в которых продаются всевозможные сувениры, спиртные напитки, сладости, средства личной гигиены, украшения и так далее. Обычно цены на эти товары в корабельных магазинах значительно ниже, чем на любой из планет. Кинотеатры здесь – не особо посещаемые места, потому что фильмы в них крутят старые, которые все уже видели и не один раз. Но, несмотря на это, всегда находятся любители посмотреть любимое кино раз эдак в десятый, одним из таких любителей был я. Бары, как правило, оборудованы небольшой сценой, на которой постоянно играет какой-нибудь джаз-бэнд. Тихой ненавязчивой музыкой они сопровождают обильные вливания крепких напитков в бездонные животы пассажиров. В вечернее время, после ужина, на полную мощность начинают работать кафешки, в которых показывают разнообразные, красочные представления. Существует как постоянный шоу персонал, так и нанимаемый на несколько мероприятий. Здесь под аккомпанемент музыкального оркестра танцуют длинноногие красавицы с ослепительными улыбками, выступают певцы с превосходными голосами, профессиональные фокусники, клоуны и даже акробаты. Также существует персонал, который в дневное время развлекает разными играми пассажиров и их детей. В обязательном порядке на борту имеется небольшая библиотека и прокат настольных игр.

Маршруты лайнеров рассчитаны так, чтобы пролетать мимо наиболее живописных участков вселенной. Многие корабли специально оборудованы огромными экранами, точь-в-точь похожими на окна, на которые с камер снаружи, в реальном времени, передается изображение окружающего фантастического пейзажа. Если достопримечательностей на данном маршруте нет, на экранах транслируют записи. Приближаясь к какой-нибудь планете для захода на посадку, в них можно видеть окружающий ландшафт, движение других лайнеров, покидающих планету, или же наоборот, заходящих на посадку. Зрелище, я вам скажу, потрясающее.

И, конечно же, самыми важным временем для пассажиров, проведенным на корабле, являются часы приема пищи. Глядя на них, создается впечатление, что все они взяли билет в круиз только для того, чтобы вдоволь наестся. Это единственное развлечение, которому они отдавались целиком и полностью, с фанатичным самозабвением отрешенно погружаясь в процесс поглощения огромного количества разнообразной пищи, как растительного, так и животного происхождения.

Также немаловажное значение имеют планеты, в порты которых мы наносим визиты. Это не просто обычные планеты, которые расположены близко друг к другу. Каждая из них по-своему особенна, эти маршруты тщательно подбираются и составляются в главном офисе компании «Моисей Круиз Лайнз».

Например, сегодня мы должны были прибыть в космопорт на планету Эллас, в город Кинос. Как сказал мне Майк, в этом месте есть храм, в котором находится то ли кусок какого-то камня, то ли стена. И к храму ведет ковровая дорожка длиной около километра и шириной

в один метр. Особо верующий народ преодолевает это расстояние на коленях, читая при этом молитвы. Они считают, что таким образом им удастся исцелиться или просто искупить свои грехи. Тот камень имеет славу чудотворного, а материал, из которого он состоит, современной науке не известен, несмотря на то, что наука шагнула за пределы далеко и открыто исследовано уже огромное количество галактик. Да, чуть не забыл, храм находится на возвышенности, поэтому ползти паломникам приходится в гору.

– Но это все так, второстепенно, – сказал Майк, – и не особо интересно.

– Как это второстепенно и не интересно, – возмутился я, – что же тогда главное?

– А главным событием сегодняшнего дня является шахматный матч вселенского значения, который состоится в городе Кинос на планете Эллас, в парке синего ветра. И мы собираемся посетить это мегасобытие.

– Мы – это кто?

– Ты да я.

– Да? – Изумился я, – А кто играет? – Как будто мне было интересно и это имело какое-либо значение.

– Матч состоится между двумя лучшими гроссмейстерами содружества галактик: Офесием с планеты Гролис и Ресотой с планеты Кент.

– Вообще-то в моих планах на сегодня было как раз посещение храма, – Я попытался избежать своего присутствия на без сомнения скучном матче. Мне не очень удавалось понимать шахматы, но Майкл изо всех сил пытался привить любовь и понимание к этой игре. Видимо, мне нужно больше времени или, что скорее вероятно, мозгов.

– Послушай, твой кусок космического говна никуда не денется, – заводился Майк, – на Эллас мы будем заходить очень часто, так что у тебя еще будет шанс поклониться реликвии и не один раз, даже губами можешь приложиться. А вот игра такого уровня происходит не часто и грех, большой смертный грех, имея уникальную возможность, не воспользоваться ею и не посетить сие действо.

– Ладно, я пойду, – в конце концов, пришлось сдаться мне, – во сколько выходим?

– Я тебя найду, – обрадовался Майк и, ткнув в мою сторону пальцем, сказал, – будь на корабле.

Вот так чужое вмешательство разрушило все мои планы. Я был расстроен, но не из-за камня, нет. На самом деле мое расстройство было связано с тем, что меня пригласили пойти с ними туда девушки, стюардессы. Я надеюсь, вы понимаете мое состояние. Мне, молодому пацану, в данный период жизни важнее всего было находиться в женском обществе. Но подвести друга, променять его на девок мне не позволяла совесть. С подпорченным настроением я пошел искать подруг, чтобы сообщить им о том, что меня с ними сегодня не будет, и что мне очень-очень жаль.

Изабель сделала вид, что сильно расстроилась, и сказала: «раз нельзя подводить друга, значит нельзя», а затем так улыбнулась мне на прощание, что земля начала уходить из-под моих ног. О! Эта Изабель – лакомый кусочек. Все во внешности этой девчонки было идеально, и, судя по всему, я ей видимо чем-то приглянулся. Она явно проявляла ко мне повышенный интерес. Но при общении с красивыми девочками, понимая, что что-то назревает, я очень теряюсь и робею. В общем, мне слишком тяжело переступить черту между флиртом и шуточками и перейти к решительным действиям. Наверное, боюсь облажаться, впрочем, как всегда. Хорошо, что об этом не знает Майк, а то не избежать мне очередной промывки мозгов.

Этот короткий разговор испортил мое настроение окончательно. Я дулся всю дорогу, мне казалось, что пойдя я с Изабель, подвернулся бы отличный случай, чтобы сказать ей, что у меня на душе и предложить встречаться. А когда я увидел парк синего ветра, то расстроился еще больше. Хорошо, если бы этот разговор случился здесь, настолько необычным и неопишимо красивым оказалось это место. Парк был просто чудесен, засаженный деревьями и кустами

с листвой всех оттенков синего, голубого, фиолетового и лилового цветов, собранными в разных концах вселенной. Он казался мне нереальным, сказочным. Бирюзовое небо, темно-синие кроны деревьев и белоснежные мраморные лавочки, столики, беседки и скульптурные композиции в наиболее живописных уголках парка. Повсюду в синей аккуратно подстриженной траве вились узенькие дорожки, посыпанные белым гравием. Когда мы ступали по ним, нас сопровождал успокаивающий хруст. Парк был наполнен звонким щебетанием птиц, и даже в жаркий день здесь было свежо и прохладно.

Мы с Майком молча прогуливались по дорожке, наслаждаясь пением птиц, шуршанием ветерка в листве деревьев, разглядывали замысловатые скульптуры классиков и современных ваятелей. Незаметно мое отвратительное настроение улетучилось, растворилось в окружающем покое и красоте. Спустя некоторое время перед нами предстала такая же ослепительно белая, как и все здешние постройки, беседка под широкой фиолетовой кроной огромного дерева на берегу небольшого озера. Вокруг нее расположились мелкими группами по три, пять персон люди и гуманоиды, тихо общаясь между собой.

– Пришли, – сказал Майк, – шоу состоится здесь, – указав на беседку широким взмахом руки.

– Что-то маловато народу для события такого масштаба, – высказал я свои сомнения.

– Послушай, не каждый сорвется на другую планету только ради того, чтобы посмотреть игру в шахматы. Даже ты упирался, находясь совсем рядом, не хотел насладиться игрой века. Здесь собрались только те, кто был по близости и вездесущая пресса. А также, не стоит забывать, что этот матч носит неофициальный характер.

– Как это, – не понял я.

– Эти игроки не состоят ни в какой федерации шахмат. По их мнению, любая федерация ограничивает свободу игрока. Они, как древние воины, всю жизнь тренируются, а затем начинают путешествовать, оттачивая и совершенствуя свое мастерство в беспощадных схватках между собой на шахматной доске.

– На что же они живут?

– Ну, ты знаешь, эти ребята никогда не играют просто так, во всех играх всегда присутствует какая-то ставка, эдакий стимул, это придает схватке больший азарт и, поверь мне, чем крупнее игра, тем выше ставка. Да и спонсоры, со своей рекламой.

– А какая ставка в этой игре?

– А это знают только сами игроки и их менеджеры, и никто другой. Правда, иногда участники специально оглашают условия игры, чтобы подогреть интерес зрителей, согласись, так следить за схваткой более азартно. А еще круто, когда ты тоже что-нибудь ставишь на кон.

– Ты что, что-то поставил? – Удивился я.

– Да так, немного.

– На кого? – Спросил я. Мне стало очень интересно, никогда еще не замечал таких поступков за Майком. Он был азартен, но как-то по-другому, а тут ставка! Ничего себе!

– Я поставил на опыт.

– А-а-а, понятно, – протянул я, хотя понятно мне ничего не было. – А сколько?

– Да так, половину того, что имею.

– Надеюсь, это не сильно много, – сказал я, а сам подумал, что не догадывался, что Майкл игроман, – и часто ты так «веселишься»? – Не унимался я.

– Да нет, честно говоря, это в первый раз.

– Вот так дела! А на что рассчитываешь? Нет, нет, подожди, не так. Что тебя побудило?

– Это очень просто. Во-первых, так я буду непосредственным участником этой игры, то есть нервы слегка себе пощекочу. Во-вторых, выиграв, стану чуть богаче, это хорошо, лишних денег, как ты знаешь, не бывает никогда.

– А если проиграешь?

- Расстроюсь, лишних денег опять же не бывает, да и будет повод слегка напиться.
- Ага, только уже на средства друзей.

Наш разговор был бесцеремонно прерван.

– Господа! Время! Пора! – Прозвучал голос главного судьи встречи, – Прошу всех подходить ближе и устраиваться поудобнее. Присутствующие медленно потянулись к беседке и начали располагаться вокруг, выбирая такое место, откуда будет лучше всего видно игру века. Скоро воцарилась полная тишина, все были очень сосредоточены, включая и самих игроков, которые уже сидели за столиком в центре беседки, готовые начать сражение.

– Люди?! – Развел я руками в недоумении. Я ожидал кого угодно, но только не людей. Майк с удивлением посмотрел на меня.

– Конечно, люди, – прошептал он.

– Да, но даже я знаю, что существует более ста форм жизни, которые в несколько раз превосходят человека по развитию интеллекта.

– Бесспорно, – согласился Майкл, – но назови мне хоть одну, как ты выражаешься, форму жизни, обнаруженную во всех знакомых нам галактиках, в которой сочетались бы помимо ума и интеллекта, такие вещи, как: тщеславие, хитрость, коварство, страх, жажда победы, азарт, одержимость, терпение и талант, в конце концов, а? Только сосуд под названием человек, способен содержать такую взрывоопасную смесь. И еще тот факт, что мы, люди, изобрели эту игру. Знаешь, давным-давно на старушке Земле помимо шахмат была еще такая игра, как «Шашки го» или «Вэйци» (еще одно название этой игры было «Пиньинь» или «Беседа рук»). Изобретена она была где-то в Китае, и играли в нее, в основном, в Китае, Корее и Японии, короче, в странах одного региона, затем она стала популярна на всей Земле. Но непобедимыми чемпионами всегда были те же азиаты.

– Ладно, с этим разобрались, теперь скажи мне, кто из них кто?

– А, ну да. Тот, что справа, помоложе – Офесий, соответственно тот, что слева – Ресота.

Я внимательней присмотрелся к игрокам. Офесий оказался улыбчивым молодым человеком лет тридцати, высокий лоб, прямой нос, волевой подбородок, в глазах еще детский задор. Одет он был в мешковатую клетчатую рубаху с коротким рукавом, такие же мешковатые штаны, на его ногах красовались поношенные кеды красного цвета. Ресота, несмотря на свой преклонный возраст, был подтянут, седые волосы аккуратно уложены на крупной голове, очки в тонкой золотой оправе покоились на орлином носу. Элегантный костюм черного цвета, трость, сигара, гордая осанка, взгляд полон достоинства и неприкрытого презрения к противнику.

Вопрос первого хода решили бросанием костей. Офесий выбросил семь, а Ресота два. Поэтому белыми играл более молодой и, наверное, менее опытный Офесий.

– Майки, почему костями? – Спросил я.

– Потому что так честнее, – ответил он, – смотри, если угадывать пешку в руке судьи, то один угадывает, а другой должен покориться судьбе. То же самое с монетой. А в выбрасывании костей принимают участие оба, и очередность бросания в данном случае не имеет никакого значения.

Тем временем игроки пожали друг другу руки и сели за игровой стол. Офесий широко улыбнулся, показав ряд крупных белых зубов, и сделал первый ход d2-d4, на что Ресота, не задумываясь, ответил Kg8-f6.

Передвижения фигур громко озвучивались секундантом, чтобы те, кому не было видно, слышали.

На пятом ходу мой сосед справа прошептал своему компаньону:

– Защита Нимцовича. Позже Майк рассказал мне, что особенностью данного дебюта является цель по сдваиванию белых пешек. Как бы начинается борьба черных за центральное поле, но развитие собственной пешечной структуры, зависит от действий белых.

Игра продолжалась, белые фигуры наступали, имея преимущество в темпе, черные старались агрессивно обороняться. После обоюдных рокировок Офесию удалось создать массивный пешечный центр, но в их лагере образовалась слабая пешка, которая незамедлительно стала объектом атаки. Таким образом, Ресота смог затормозить пешечное наступление на королевском фланге. С каждым ходом игра становилась все более напряженной, здесь в миттельшпиле любая незначительная ошибка вела к поражению, поэтому нервы игроков были напряжены до предела. Майк сидел, как на иголках, периодически прерывисто дул себе в кулак, или тихо говорил «Охо-хо», сдерживая те свои эмоции, которые не мог выплеснуть громко. Не на стадионе все-таки.

На четырнадцатом ходу, не считаясь с потерями и не смотря на приостановленное наступление, белые все-таки бросаются в атаку на королевском фланге.

– Смотри, – сказал Майки дрожащим шепотом, – совершенно очевидно, что Офесий хочет перебросить ладью и ферзя на линию «h».

Мне оставалось с умным видом только кивать в ответ, если это очевидно для Майка, то это очевидно для всех включая противника, странновато.

Угрозы фигур Офесия выглядели опасными, но умудренный опытом Ресота хладнокровно парировал все выпады белых и сам переходил в опасную контратаку. Удивительно, в какие бы положения по ходу игры он ни попадал, на его лице не проявилось ни одной эмоции. Такое впечатление, что он играл не в шахматы, а в карты. Однако, более эмоциональный, но от этого ничуть не худший игрок Офесий, несмотря на молодость и горячий характер, так же умело уводил угрозу и энергично включался в следующую атаку, завязывая очередную комбинацию. На двадцать втором ходу фигуры белых заняли удачную позицию, которая дала им возможность нападать одна за другой так, что казалось, им уже никак и ни чем невозможно противостоять. Мат в несколько ходов стал очевиден...

Вдруг неожиданный, но давно намеченный контрудар! Черные жертвуют ладью, чтобы на мгновение задержать наступающие силы белых и перейти в свою контратаку.

Народ вокруг меня от напряжения привстал на своих местах, впившись взглядами в маленький квадратик шахматной доски. У многих на лбу появилась влажная испарина, но они не могли вытереть его, боясь хоть на секунду потерять нить игры. Течение времени остановилось, всякое событие потеряло свою важность. Сердца всех в этом месте начали биться в унисон. В этот момент существовала только одна жизнь. Только события, развертывающиеся на маленьком деревянном участке пространства, имели значение, остальной мир не существовал.

После неожиданного выпада черных обстановка резко переменилась. Белые растерялись, с этого момента игра должна была закончиться немедленно. Офесий еще мог сдержать нападение Ресоты, но его королю уже негде было скрыться от многочисленных угроз. На двадцать шестом ходу Офесий кладет своего короля на бок, встает и с грустной улыбкой протягивает руку Ресоте для рукопожатия. Ресота холодно жмет его руку, затем, прикурив толстую сигару, выходит к зрителям и все с тем же достоинством принимает похвалы и поздравления от поклонников его игры.

Майк с улыбкой свернул клочок бумаги, на котором карандашом записывал ходы, и посмотрел на часы.

– Ого! – Округлил он глаза, – Алан, нам надо поторопиться, если мы хотим успеть на корабль до отлета. Мы, не мешкая, поспешили в порт. Всю дорогу Майки восхищался игрой, он прожужжал мне все уши. Поэтому, когда мы вернулись на корабль, и он сказал, что от волнения проголодался, и побежал в столовую, я вздохнул с огромным облегчением.

– Хватит с меня на сегодня, – сказал я сам себе и направился в каюту в надежде поспать перед вечерней сменой.

Но в этот день свой приз получил не только Ресота и Майк, поставивший на него. Придя в свою каюту, я никак не ожидал встретить там Изабель. Увидев меня, она грациозно встала со стула, на котором сидела и листала журнал в ожидании моего появления, соблазнительно виляя бедрами, подошла ко мне, нежно обвила мою шею руками и, прижавшись всем своим роскошным телом, страстно поцеловала в губы. Моему удивлению не было предела. Слишком много эмоций, причем из крайности в крайность. То мне загоняют выговор, потом срывается свидание, затем волшебство игры и о-о-о! Такой прелестный приз! Поспать, как вы понимаете, мне так и не удалось.

ГЛАВА 9

В счастье и гармонии проходили день за днем, неделя за неделей. Работа стала частью моей жизни, поэтому не напрягала. Почти каждый день менялись порты, мы с друзьями ходили по магазинам, рынкам, посещали развлекательные центры, пляжи, старались не пропускать местные достопримечательности. Вне работы мы жили в свое удовольствие. С наступлением полночи я встречался с малышкой Изабель, и мы прекрасно проводили ночи, наслаждаясь жизнью в страстных и нежных объятиях друг друга. Мы были молоды, беззаботны и счастливы. Ован все так же ел и спал. Майкл занимался самосовершенствованием, точнее, если выразиться его словами, преумножением достоинств и избавлением от недостатков. Дим все так же грубил и язвил. Остальных знакомых я видел реже. Все было просто зашибись.

Из-за разных профилей работы и расписаний с некоторыми товарищами можно было встретиться только в столовой за обедом или ужином, или вообще глубокой ночью, когда работали только сотрудники баров и участники развлекательных программ. Некоторых знакомых, таких как Рубильник, я старался избегать. На следующий день после того, как он получил выговор, на спине его рабочей робы появилась надпись: «КАПИТАН». Что он имел ввиду не знаю, но скорее всего так проявлял свой гражданский протест, эдакий плевок в лицо администрации.

Вообще центром корабля являлся отнюдь не мостик. Нет, не кабина пилотов, а столовая. Если тебе нечего делать, ты идешь только в столовую, больше некуда. Только здесь можно что-то попить, поесть, найти себе собеседника или просто посмотреть визуализатор. Вот и сегодня я зашел сюда, просто посидеть, да выпить кофе. За одним из столов сидел какой-то подавленный Торм, тощий гуманоид с планеты Ровг. Однажды он мне помог пронести бутылку виски на борт, за что я ему был очень благодарен.

– Привет Торм, – сказал я, присаживаясь на стул рядом, – что такой грустный? На тебе просто лица нет. Если, конечно, это не оскорбление, твою собачью морду назвать лицом.

Он действительно был похож на шотландскую овчарку.

– А, Алан, привет. Прости, я не услышал. Ты, кажется, что-то сказал?

– Я спрашиваю, морда у тебя или лицо, – продолжал шутить я. Но Торму, видимо, было совсем не до шуток, он грустно вздохнул и сказал:

– Называй, как хочешь.

– Ты чего такой невеселый?

– Да, брат, калека! Ты понимаешь, звоню домой, а мама мне рассказывает такую историю: пошел мой братишка со своей женой и друзьями отдохнуть в парк. Ну, взяли там мяса для барбекю и огненной воды, как же без нее. Сидят, едят, пьют, отдыхают, в общем. Тут моему дебильному братцу стукнуло в голову помочь какой-то кобыле на лошадь залезть. Может быть, подтолкнул он ее не за то место, может, она ему слишком мило улыбнулась, а может все вместе... Короче, прилетел ее суженый-ряженный и давай крыльями хлопать. Завязалась драка. Тут подтянулись друзья этого петуха, начали бакланить с друзьями брата. После недолгих обсуждений обе стороны пришли к выводу, что в образовавшейся неприятной ситуации виноват только мой братик. И начали вместе дружно помогать суженому, который, надо сказать, к этому времени попал в некоторое затруднение. Короче всей толпой они отходили братца. В самый разгар нравоучений о вреде ухаживания за чужими женами, подоспели блюстители порядка. Выслушав обвинения со стороны «потерпевших», они забрали бессознательное тело брата в полицейский участок для более подробного расследования. Придя в сознание уже в участке, этот придурок стал скандалить и оскорблять стражей правопорядка, тем самым усугубляя свое и так не завидное положение. Те же, не очень долго думая, поверх уже слегка устаревших за некоторое время побоев наложили новые. А в дополнение штраф в размере тысячи космо и двадцать дней общественно-полезных работ, после того как нарушитель общественного порядка

выпишется из больницы. Но на этом его неприятности еще не закончились. Пока он зализывал свои раны на больничной койке, его благоверная супруга, узрела в недавнем акте вежливости к той кобыле зародыш назревающей измены. И сочла за лучшее забрать все из дома и скрыться в неизвестном направлении. Вот так, – вздохнул в конце откровенного рассказа он.

– Ну, чувак, я даже не знаю, что сказать. А брат-то как?

– Да мне по барабану, что с этим уродом, – взорвался он, – просто мама очень из-за него расстроилась. Ладно, если бы это было в первый раз, так нет, он притягивает неприятности, как магнит. Что мне с ним делать, ума не приложу.

Я уж было открыл рот, чтобы дать какой-нибудь дельный совет, но голос Дима, появившегося из ниоткуда, вовремя прервал меня на полуслове.

– Эй, Алан, тебе когда на работу? – Его тяжелая рука со всей силы хлопнула меня сзади по спине.

– В восемь, – ответил я спокойным голосом, повернувшись, одновременно успокаивая накатившую волну негодования и желание ударить Дима со всей силы в его ухмыляющуюся рожу.

– Отлично, пошли.

– Куда?

– Давай быстрее, расскажу по дороге.

До чего ж дурацкие у него манеры, думал я на ходу.

ГЛАВА 10

Пестрый многоголосый базар растянулся далеко вдоль улицы. Что здесь только не продавалось: дешевые часы, старые и новые книги, какая-то электроника, обувь, одежда, всего и не перечесать. Со всех сторон раздавались звонкие пронзительные голоса продавцов, выкрикивавших какой хороший у них товар, и по каким неизмеримо низким ценам они его продают. Был выходной день, поэтому народу собралось огромное множество. Толкаясь и громко переговариваясь между собой, потенциальные покупатели щупали товар, примеряли вещи, громко торговались, просто глазели. Уже полчаса мы с Димом крутились в этом шумном водовороте тел.

Какой-то старый знакомый сказал ему по большому секрету, что здесь, в этом городе, на этой планете, можно купить дорогую стереосистему новейшего поколения почти за бесценок. Конечно же, Дим загорелся и, чтобы не скучать, прихватил меня за компанию. Однако оказавшись на этом месте, он оставил меня одного, чтобы найти тех ребят, кто продает или знает, где продается эта система. Поэтому в гордом одиночестве мне пришлось бродить вдоль прилавков, заваленных всевозможным товаром с его шумными продавцами. Но это не помешало мне приобрести за отличную цену классный рюкзак, красивые сережки для Изабель и отличные часы, подделку под знаменитый бренд.

Кстати, о часах. Однажды вечерком после тренировки Майк рассказал мне одну историю, коих у него было множество. Я уже забыл, почему мы стали говорить именно про часы. Наверное, я заметил их у него на руке и что-то высказал по этому поводу, ну, а он мастер всяких рассказов, воспользовался случаем лишний раз поболтать. Вот вам его история слово в слово.

«Не знаю, говорил я когда-нибудь тебе, Алан, что в моей прошлой, домашней жизни была очень интересная профессия. По долгу службы я встречался с массой интересных людей. И они рассказывали мне много забавных историй».

Дальше он рассказал историю про одного своего «персонажа». Так Майк называл клиентов. Когда я спросил, почему именно «персонаж», он пояснил, что это от слова «персональный». То есть если ты персональный тренер, то человек, который занимается под твоим руководством – персонаж.

Может, немного дурковато, но мне реально понравилось. На самом деле, я очень любил тех людей, с кем приходилось работать, несмотря на то, что характеры у всех разные и не со всеми легко. Но у каждого была какая-то своя странность или особенность. Такая необычная привычка, вроде использования вместо слов «клиент», или еще хуже «подопечный», которые мне никогда не нравились, такого понятия, как «персонаж». Звучит очень неплохо, даже литературно. Как бы герой романа.

Так вот, заговорили мы как-то с этим моим персонажем о наручных часах. Признаюсь, у меня, наверное, бздок! Не могу, чтоб не купить какие-либо интересные, на мой взгляд, часики. Причем, всегда считал, что дизайн дешевых часов, чаще всего, намного интересней, чем внешнее оформление брендовых, дорогих. Поэтому если видел какие-либо шикарные, на мой взгляд, котлы, не мог удержаться, чтоб не приобрести. У меня их было полно, но почти все дешевые. Родители и знакомые спрашивали, зачем мне столько, мол, я их все равно не ношу. А я отвечал, что для коллекции. В ответ на это они немного покачивали головой из стороны в сторону, благо, что не крутили пальцем у виска. В общем, как я уже сказал, дешевых часов у меня было полно. Но, иногда, очень хочется перед окружающими похвастаться, типа я не просто так, типа у меня статус, положение в обществе, я состоятельный, современный, стильный и модный. Поэтому целую неделю я потратил на выбор очередных предметов для моей коллекции, конечно из подделок, но сделанных под спортивные часы с именем, хотел, чтоб подделка была максимально похожа на оригинал. Но когда я сравнивал оригинал с репли-

кой под него, всегда был возмущен огромной разницей в цене. Ведь это просто электронные часы, ничего больше. Штампуют, наверное, на одном и том же заводе. На вид одно и то же, ремешок засирается что у тех, что у этих. Время, в конце концов, показывают одинаково, но цена у оригинальных просто неоправданно заоблачная.

Именно это свое возмущение я однажды и высказывал во время тренировки одному из своих персонажей.

Арто, а именно так его звали, был сачок знатный, поэтому чтобы продлить время отдыха между подходами с удовольствием поддерживал любой разговор, умело заговаривая мне зубы.

– Я тебя очень понимаю, – переводя дух после проделанного упражнения, сказал он. На что я скептически скривился, потому что он был человек далеко не бедный, и его-то часы явно стоили немало.

– Чего ты, буржуин, можешь понимать? – спросил я, почесав затылок.

– Вот зря ты так кривишься, – с очень серьезным видом несогласился он, – ты просто послушай, что я тебе расскажу.

Арто был года на три младше, но говорил со мной в покровительственно-поучительной манере, что меня ничуть не задевало и не раздражало, ведь кто я есть? Всего лишь обслуживающий персонал, и что-что, а место свое знаю. Всем своим видом я показал, что внимательно его слушаю.

– Мой отец, – начал он, – очень богат и может позволить себе невероятно дорогие вещи. В его окружении обязательно нужно держать марку и не терять лицо. Он купил себе несказанно дорогие, солидные и представительные часы. Там чё-то из золота, платины и так далее. Однако носил их очень редко, потому что приобрел себе еще и точную копию тех часов. И в повседневной жизни одевал всегда именно ее. На мой вопрос почему он ответил, что слишком дорого стоит оригинал, а в процессе постоянного ношения что-то все равно портится, изнашивается, убивается, в общем жалко. А эти ни капельки не жалко. И, поверь мне, никто из его окружения, даже мысли допустить не мог, что на запястье моего отца болтается не шикарная вещь, а дешевая копия. А вообще я думаю, если, например, наш президент наденет на руку такую херню, то она сразу на вес золота станет. А будь наш президент менее уважаем, то что б он ни нацепил, все будут критиковать и возмущаться. Мол, страна в жопе, жрать нечего, народ нищенствует, а у него часы за миллион. Так что, вывод такой, не вещь красит человека, а человек вещь. Ты человек хороший, не президент вся страны, конечно, но хороший, поэтому бери часы подешевле и не парься». Он рассмеялся, закончив рассказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.